

24-30 окт. 2000

К Н И Г А

Гнусные ожидания были обмануты

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЛИЛИ БРИК И ЭЛЬЗЫ ТРИОЛЕ МЫ НЕМНОГО УЗНАЛИ О ВЕЛИКОМ ЛЮБОВНОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ

Московское издательство «Эллис Лаф» выпустило неизданную переписку Лили Брик (1891 — 1978) и Эльзы Триоле (1896 — 1970). Переписка эта давно стала легендой. Всякий, кто занимается Маяковским, испытывает дефицит сведений. И всегда их подозревали обнаруживать в письмах сестер Каган, Лили и Эльзы. В книге 295 писем, они охватывают пятьдесят лет, 1921 — 1970 годы.

Старшая сестра — Муза, Любовь («Лили — люби меня») «поэта резолюции», то есть Маяковского. Младшая — плодovitая беллетристка (впрочем, весьма скромного дарования), с 1918 г. жена французского рантье, от которого для истории литературы осталась красивая фамилия, а с 1928 г. — Луи Арагона, поэта и прозаика, члена ЦК Французской компартии. Стоит напомнить, что первоначально Маяковский познакомился с младшей, с Эльзой, имел матримониальные намерения, был отвергнут (кстати, не только ею, но и другими девушками ее буржуазного круга), после чего «напал», по выражению самой Лили Брик, на нее с безмерной и страстной любовью. Лили Брик была к этому времени замужем, правда, с 1915 года ее отношения с мужем, Осипом Максимовичем Бриком, были чисто дружескими.

Все даты можно называть с уверенностью, ибо приведены они самой Лилей Юрьевной, понимавшей их историческое значение, осознававшей, что ее личная жизнь, ее любви и разводы уже принадлежат истории литературы. В сущности, именно она была центром сначала бриковского «салона» (шести-комнатная квартира в доме на ул. Жукковского в Петрограде), а потом и всего рефовского круга, она стояла у той реформы традиционных семейных отношений, которая привела к жизни *вродем*: Лили и Осип Брики и Маяковский. Эта жизнь *вродем* долгие годы волновала и волнует воображение читателей. В ее основе лежала мужская дружба Осипа Брики и Маяковского и две безответных любви: Лили к Осипу (она влюбилась в него, когда ей было 13 лет, но он к 1915 году ее разлюбил) и Маяковского к Лиле (в 1924 году она то ли разлюбила его, то ли устала от бурных страстей и перешла к дружбе). Чтобы не травмировать «разлюбленных», было решено — думаю, что персонально Лилей Юрьевной, ибо она была волевым центром и законодателем, жить как бы по-прежнему, дружить и «вместе весело шагать по просторам».

Когда дело касается фантастической женщины Лили Брик, встает вопрос: звезда она, излучающая собственную энергию, или малая планета, всю свою долгую жизнь (1891 — 1978) лишь отражавшая свет Маяковского? Составитель книги Василий Васильевич Катанян (ныне уже умерший), сын (от первого брака) третьего официального мужа Лили Юрьевны, Василия Абгаровича Катаняна, старался доказать, что дело не в близости к Маяковскому и даже не в сексуальной специфике, а в интеллектуальной незаурядности. Из 295 писем только три приходятся на период, когда Маяковский был жив. Остальные написаны после его смерти и меньше всего связаны с семейными и любовными отношениями.

Все они остались за скобками, в книге об этом ничего не говорится — ни в письмах, ни в комментариях. Недавно Вяч. Вс. Иванов опубликовал высказывания Романа Яковсона на эту тему, сделанные 34 года тому назад: «Обеим сестрам — Эльзе и Лиле — он <Маяковский В.В.> не нравился в постели. Эльза о нем сказала: «...Он не был достаточно похабен»... А Лили жаловалась Роману, как тяжело ей были попытки Маяковского возобновить между ними отношения любовников. После заграничной поездки... (Маяковского в США. — М.З.) она надеялась, что все позади.

А он снова пришел. Как, опять?!» (Роман Яковсон. Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 243). Кто-то, наверное, надеялся, что в переписке «сестричек либерти» детали будут самые клубничные. Другие рассчитывали узнать нечто о связях интимного свойства с ГПУ. Однако, к счастью, все получилось наоборот, гнусные ожидания были обмануты, и ничего «похабного» на этот раз в печать не просочилось. РГАЛИ — заведение солидное и репутацию клиентов блюсти умеет.

Очевидно, что такой образ Лили Брик создан составителем умышленно: полная переписка сестер насчитывает 1223 письма, в книге публикуется четвертая часть, в основном она информирует о литературных занятиях сестер, об их культурных интересах, обстоятельствах издания книг Маяковского и о Маяковском, об истории создания и издания книг Арагона и Триоле, о ее работе над переводами на французский язык, о переводах ее и Арагона романов, выходящих в Москве. Отдельный интерес представляет собой участие Триоле и Арагона в Сопротивлении. Не менее интересны и просочившиеся подробнос-

ти бытовой жизни: «Материально живу не плохо — деньги беру у Левочки — у него сейчас много», — докладывает Лили сестре 6 февр. 1923 г. К слову, она всегда умела комфортно устроиться: при царе, при Ленине, при Сталине, после всего; с Маяковским и без него, только с памятью о нем. И как ни выскабливал составитель письма, стараясь удалить такого рода информацию, она не могла не проскользнуть.

Любопытны и некоторые литературные замечания, скажем, Эльзе Триоле о Вознесенском: «Но он, Андрей, мне надоел, совсем. Уж не говоря о том, что он совсем никак не ценит труд переводчица и, очевидно, даже не знает, что это такое, не следовало ему делать того да этого и, между прочим, говорить о какой-то посвященной мне поэме, которая так никогда и не родилась. Неужели на Евтушенко и Вознесенском свет сошелся и оборвалась русская поэзия? Неужели нет ничего нового, молодого? Ведь парням за тридцать! Какие же это молодые поэты...» (письмо от 22 авг. 1966 г.).

Естественно, что Эльза Юрьевна Триоле не понимала, что Евтушенко и Вознесенский были частью парадной витрины, изображавшей «молодых бунтарей», которым позволены некоторые формальные поиски. А ее корреспондентка ей этого почему-то не объяснила. Или сама не осознавала? Или объяснила, но составитель такие письма не включил в книгу?

И тут мы сталкиваемся с весьма странной особенностью книги, выпущенной в 2000 году. Составитель, равно как и авторы примечаний (И.И. Аброскина, И.Ю. Генс), постарались обойти все острые углы, что при публикации лишь четверти всей переписки не так уж сложно было сделать. Поэтому многое осталось неизвестным, например, как относились сестры к «хозяину» (так назвала его Лили в письме от 1 янв. 1936 г., в котором сообщила сестре о своем знаменитом послании Сталину, вызвавшем еще более знаменитую резолюцию) при его жизни, после его смерти, в период разоблачений «культ личности». Лишь в одном письме, от 31 янв. 1959 г., Лили нейтральным голосом сообщает, что Гослитиздат смущен фамилией, встречающейся на стр. 100, 361, 401, 452, 453 и 455 первого издания «Коммунистов» Арагона 1953 года, и спрашивает (фамилию не называя), не позволит ли автор эту фамилию убрать? В комментарии к письму указано, что речь шла о Сталине и что Арагон купюры запретил. Но что это означало: сталинизм

Эльза Триоле и Лили Брик пробуют себя в качестве моделей

Арагона, его несогласие с разоблачениями?..

А кроме того сделаны пропуски в опубликованных письмах. Скажем, в письме Лили Брик от 21 янв. 1965 г. После слов: «Барнет написал в предсмертной записке, что устал бороться со старостью и болезнями. Я не перестаю думать о нем. Это неотвязно», — поставлено <...>. Видимо, составитель испугался какой-то откровенной

мысли о самоубийстве или о Борисе Барнете. В том же письме упоминается пластинка Окуджавы, выпущенная в Лондоне. И тоже сразу поставлен спасительный знак <...>. Возможно, дана оценка Булата Шалвовича, не совпадающая с либеральным канонем. То есть Окуджаву пожалели, а Вознесенского и Евтушенко нет. Примеры можно продолжать, но вряд ли это нужно: составительский произвол, резко снижающий ценность издания, очевиден. Те, кто готовил эту книгу, не поняли, что имеют дело не с частными письмами, а с историческими документами, кроить которые, улучшать, заботясь о чьих-то репутациях вместо острых на язык Лили и Эльзы, просто смешно. Или издавать целиком, или вообще не издавать. А то вышло как-то скучно.

Из конфликтных историй достаточно полно оставлена одна, связанная с замешенными на неприкрытом антикоммунизме попытками В. Воронцова (помощника М.А. Сулова) и А. Колоскова вытеснить Лиллю Брик из судьбы Маяковского, использовав для этого в качестве таранов сестру поэта Людмилу Владимировну и пресловутую Та-

тьяну Яковлеву, к которой Маяковский якобы не пустила Лили Брик, воспользовавшись связями в ГПУ. После чего Маяковский, не выпущенный в Париж, застрелился, каковую цель коварная семитка Лили и преследовала...

История эта действительно темная, связи в ГПУ были, но остальное — чушь... Как бы то ни было, в книге целиком приведено письмо Эльзы от 10 авг. 1968 г., в котором собраны все сведения и сплетни, рисующие Татьяну Яковлеву в самом черном свете: как профессиональную содержанку, которая «пугалась с кем угодно за ужин и ночные кабаки, начиная с семнадцатилетнего возраста». Этот компромат должен был использоваться в борьбе с Воронцовым и Колосковым: вот, дескать, от какой проститутки спасли поэта революции. Все это, конечно, интересно, но в книге, выпущенной в 2000 году под грифом РГАЛИ, тут не хватает только одного: научного комментария. Эльза приводит все данные о Татьяне Яковлевой («страшной бабе») со слов соученика Арагона по гимназии. Это полезно для борьбы с помощником Сулова, но насколько истинно или фантастично? Ответа нет.

В результате, несмотря на все интересные сведения и подробности, на весьма полное освещение литературной составляющей жизни Эльзы Триоле и Лили Брик (а в придачу и Луи Арагона) и некоторых бытовых деталей их жизни, последняя в маяковедении лакуна — переписка сестер Лили и Эльзы — по-прежнему открыта.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ